

БОРИС СОРОКИН

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИЗ СОБРАНИЯ АННЫ КОНОВАЛОВОЙ

"И сегодня ты вяжешь и ткёшь, Маргарита..."	5
"Итак, и парением струн..."	7
"С призраками разговариваешь?"	9
"Смешно, как зол<?> расторгнуть узы..."	11
"На окошке расцвёл каланхой..."	13

ИЗ СОБРАНИЯ ОЛЬГИ САВЕНКОВОЙ (АЗАРХ)

"И так уж расставанье..."	14
"До первой метели..."	14
Дачная песенка.....	15
К музе (не к женщине).....	15
"Ведь сумел же ты даже слепого чухонца..."	16

Стихи Бориса Александровича Сорокина (1940 – 2021) даются по его автографам из домашнего архива Анны Коноваловой и списку из домашнего архива Ольги Савенковой (Азарх).

Расшифровка рукописи и подготовка файла — И. Симановский.

За консультации и помощь составитель благодарит С. Ватаву и О. Савенкову (Азарх).

В оформлении обложки использована фотография И. Авдиева.

Специально для библиотеки ImWerden, 2022 г.

Н.Т.

И сегодня ты вяжешь и ткёшь, Маргарита,
Как вчера и в прошедшие дни и года,
Безымянной жемчужиной в иле зарытой,
Погребённой в пучине морской без следа.

На приданое верно бы с лихвой хватило
В сундуках, и пока нареченного¹ ждёшь,
Всю судьбу свою с ним от венца до могилы
Незаметно своими руками спрядёшь.

Зорких глаз, как с невольницы в тесной темнице,
Мать с тебя не спускает и строгий отец.
Сами знают урок деревянные спицы,
На пургу отзывается тусклый светец.

Сами знают урок веретёна и спицы,
А в глазах всё стоит в пелерине с плащом
Этот врач удивительный — будто бы снится! —
В церкви виденный, кажется, где же еще?

Берегись! На прощанье болезненно вспыхнуть
Дав бедной жизни, её, как лучину, задуть
Этот бешеный вихрь сбирается. Стихни,
Сны свои навсегда, Маргарита, забудь!

Или хочешь, пока, отягчённая дрёмой,
Никнешь ты и из рук покатился клубок,
Чтобы кровлю и стены родимого дома
Сизый пламень упавшей лучины зажёт?

Да хранит тебя, бдящий в углу, как и исстари
Твой возлюбленный в ризах мерцающих Спас
От любого огня, от нечаянной искры
Безрассудства, уже обжигающей Нас.

¹ В рукописи «нереченного», — вероятно, ошибка.

Вот черепки омыты из
"Формосетей":

Увы, и наконец ступа
Безо снаго да то черепки,
Как будто черепки, "малют",
Увы, что черепки не "малют",
Средь черепки черепки ступа
Увы на ступе черепки
До черепки черепки ступа
Без черепки и ступе черепки
От все не-черепки черепки
У черепки черепки черепки
Черепки ступа ступа ступа
Черепки и черепки →

Итак все это черепки,
Что черепки черепки черепки,
С черепки черепки черепки
У черепки черепки черепки?
Ах черепки, черепки черепки,
Без черепки и черепки черепки
Черепки - I черепки на черепки
У черепки черепки черепки.
То. е.

Вот несколько опусов из «Обрамления»<?>:

* * *

Итак, и парением струн
Всего лишь на то намекают,
Как бродит покойник «шатун»
Из тех, что покоя не чают.

Свой вечности длинный урок
Уже назубок<?> затвердивший
До времени через поток
Без вёсел и звёзд переплывший

Он всё же — намётанный глаз
У наших задворок интимных —
Кочует ещё среди нас
Невидимый и анонимный.

Не та же ли точно судьба,
Что наши разводит светила,
С живыми его навсегда
И любящих здесь разлучила?

Ты, день безответно любя,
Без выгод и прав между прочих,
Двойник — я смотрю на тебя
Из мглистого зеркала ночи.

С кружевами рукоделием?
Заю с шуршами темь не бить.
Мне милой, как фляг удерживаю,
Завесой Тебя отобью?
Самым скручиваюм и скручиваюм
К елиобвеем в том, какой суммиль,
В мичии ифеем с барисовтеем.
Улы иуеетой с тобой кфузмить.
А у смель - Тасеах Кфееа
В неубавевеи пале Кфее!
Туде, не танцевать не танцевать и -
Тудеи евета - севета.
То. е.

* * *

С призраками разговариваешь?
Зато с людьми теперь не быть.
Мне живой, как Крез задариваешь,
Зачем тебя любить?

Сошлѣшь скворцами перелѣтными
К мотовкам в хор, рабой служить;
В птичий хоровод с бесплотными,
Над пустотой с тобой кружить.

А у меня — такая красна[я]
В неотболевшей ране кровь!
Пусти, не тяжелеть не властна я —
Грузней свинца — любовь.

Селларто - как гол раскатыть шум,
Или как вонять у оуши.
Она похороше уца бедной,
Селла похороше не охажет.
Возм, оубай нехороше гол том,
Вот - нахороше, нехороше кажете.
В оубай похороше нехороше охажете,
как что-то шумк бедной оубай.
То. Е.

* * *

Смешно, как зол<?> расторгнуть узы,
Пытаться выведать у Музы.
Она покрепче узел вяжет,
Слова попросту не скажет.

Возьми, отдать неволил дар ты,
Вон, — наконец, твои три карты.
В окне почти ничем мелькнула,
Как чью-то жизнь бесследно сдуло.

* * *

На окошке расцвёл каланхой
Без затей простодушно и рдяно.
Говорят, будут этой листвой
Врачевать неисцельные раны.
(Что лукавлю, пишу говорят, —
Сам целился три лета подряд.)

А ещё удивлял каланхой
Всякий раз необычным уменьем,
На порыв сочинительский мой
Откликаться мгновенным цветеньем.
Как сейчас, пока глаз не сомкнул
Ни на миг, и пишу эти строки,
Венчик к солнцу, в Рай<?> на Востоке
Он ответно уже повернул.
Видно нет ему поводов ждать
Эту новость Тому передать.

Да, я верю: действительно он,
Как свидетель Эдемского века,
Был тогда ещё, тем человеком,
В первобытном саду приручён.
Тем, кого и во мне узнавать
Хочет он до сих пор так упрямо,
Молодым неподсудным Адамом,
Имена всем умевшим давать.

* * *

И так уж расставанье —
Меняю от греха
Гитары воркованье
На пенье петуха.

Но нет ему терпенья,
Уже надсадно врет
К концу стихотворенья,
Уже ночного зренья
Давно прошел черед.

И кто себя узнает,
Глядясь в такой портрет?
Ведь в сердце трезвый свет,
Ведь на дворе светает,
Но нежится<?> и не тает
Остывшей ночи след.

* * *

До первой метели,
Еще осушить и слезы не успели
От первых еще и почти полудетских обид,
Ведь, кажется, примут, и как еще мягко постелят,
А смотришь — добит.

Всегда это знали и даже не только твои страсотерпцы,
Когда славословия пели,
Другое сбывалось во сне, —
И даже когда тишина непоруганной дали
Лежит между сердцем и сердцем,
Как после недавно утихшей метели
Кладбищенский снег.

Желанные,
как только проснутся ошибки весны долгожданной,
Свое из-под снега избавят, и мир для любви исцелят.
Подтают проталины, откроются прежние раны
И вновь заболят.

Дачная песенка

Садовая беседка,
Решетка окна.
Такую красотку украли бы со дна.
Да прячет ее липовая ветка.
И с темна дотемна
Все одна, да одна,
Никем не открытая, соседка.

И даже не хандрит, не скучает она,
И с ласточкой нравится ей клетка,
То вышьет, то стихи почитает она,
То ласточке в кормушку подсыплет пшена
Моя терпеливая соседка.

И так бы вот привычно жила да жила,
И пела, и плакала бы редко,
Но только бы не так в это лето цвела,
И только не в таком фимиаме плыла
зеленая липовая ветка.

К музе (не к женщине)

Ну, так уж и быть.
До похмелья вина
С тобою мне пить,
А не быть вполпьяна.
Но прежде, пока еще кровь холодна
И вино не перебродило,
Тебе, моя Муза, занять суждено
То место на небе моем, где одно
Горячее солнце остыло.

О, ты не монахиня и мне не сестра!
Невнятен язык чуть живого костра.
Пока и не тесны объятья.
Едва различая походку твою,
Твое приближенье легко узнаю
По шелесту женского платья.

* * *

Ведь сумел же ты даже слепого чухонца
На пути подобрать, ведь сказал ты ему:
— Можно видеть свое негасимое солнце,
Если дано смотреться в незрячую тьму.

И почувствовать шорох далекого сердца,
Как не дремлет и гонит горячую кровь,
Если в плотские пропасти дано смотреться
Если с ним погрузиться в межреберный ров —

Так возьми же, возьми же от Родины милой
Дай без слез позабыть наготу этих мест
Вот — колодец замшелый, уродец бескрылый,
Вот над чьей-то могилой без надписи крест.

30, 31/VIII – 77 г.
(после литургии)